

С. Г. КАТАЕВА, Д. В. КАТАЕВ

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕФЛЕКСИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ (1945–1988)

Статья знакомит с новым разделом прикладной лингвистики – историей политического языка (история политолингвистики), интенсивно разрабатываемой в Германии. Изменение социальных и политических смыслов, стратегий манипулирования общественным и историческим сознанием в полной мере раскрывается благодаря выявлению семасиологически и ономасиологически ориентированной типизации идеологически значимых языковых различий.

Ключевые слова: политолингвистика, идеология, общественное сознание, историческое сознание

Начало интенсивным исследованиям политического языка было положено в середине XX в. в Германии, причем «в отличие от большинства других направлений языкознания, в которых новые научные тенденции исходили от англосаксов, в особенности от американцев, лингвистическое исследование политической коммуникации, недавно названной А. Буркхардтом “политолингвистикой”¹, начиная с 1950-х гг. интенсивно разрабатывается в первую очередь в немецкоязычных странах»². Пристальный интерес немцев к данной тематике объясняется существованием «особой повышенной чувствительности» немецкой общественности к проблемам политического употребления языка, обусловленной особенностями исторического развития Германии: ролью немецкого языка в «создании национальной идентичности немцев», объединенных в единое государство только в конце XIX века и фактом применения немецкого языка на службе двух тоталитарных режимов XX в.: «Кто пытается использовать немецкий язык для передачи политического содержания, тот находится между Сциллой и Харибдой [...]: справа он попадает к Сцилле – языку Третьего Рейха, слева к Харибде – к немецкому языку [...] коммунистического режима ГДР»³.

Актуальность данных исследований резко возрастает с 1945 г., так как основные изменения в немецком языке происходят в сфере политической коммуникации. Научное исследование языка политики, по мнению немецких лингвистов⁴, начинается с исследований «языка национал-социализма» („NS-Sprache“), интерес к которому особенно ярко проявился в первые годы после окончания Второй мировой войны и,

---

¹ Burkhardt 1996. S. 82.

² Klein 1998. S. 186.

³ Good 1990. S. 50.

⁴ Dieckmann 1975, Burkhardt 1996, Klein 1998.

начиная с 1950-х гг., с исследований «языка в разделенной Германии» („Sprache im geteilten Deutschland“). Именно эти две темы явились, по определению А. Буркхардта «историческим исходным пунктом для возникновения германской лингвистики политического языка»⁵ и определили исследовательскую область политического языка в Германии во второй половине XX в. К другим направлениям, наряду с названными «основными специальными предметами исследования»⁶, которые вызвали интерес к немецкому политическому языку, относят «язык пропаганды», который также «исследуется преимущественно на примере языка Третьего Рейха и политического языка ГДР»⁷.

К «языку национал-социализма» и «языковым дивергенциям в политическом словаре двух немецких государств» проявляется неослабевающий лингвистический интерес. В начале 1990-х гг. к ним добавляется еще одна область современного исследования политического языка, обусловленная актуальными событиями новейшей истории Германии: «Язык “поворота”» («Sprache der Wende»), «Язык в объединенной Германии» («Sprache im vereinigten Deutschland»). Исходя из того, что основные языковые изменения в Германии, начиная с 1945 г., «часа ноль» («Stunde Null»), происходят в сфере политической коммуникации⁸, описание новых тенденций в развитии современного немецкого языка в 1945–2005 гг. большей частью совпадает с тенденциями развития немецкого политического языка и обязательно включает в себя общественно-политическое развитие Германии данного периода.

Выделим следующие этапы новейшей истории политического языка Германии: 1) политический язык национал-социализма и «денацификации»; 2) политический язык «разделенной Германии»; 3) политический язык «поворота» или язык «великого перехода»⁹; 4) «языковое объединение», феномен «остальгии». Интересующий нас период охватывает первые два этапа. Мы рассмотрим социально-политическую рефлексию в историческом сознании, используя известный междисциплинарный подход к анализу языковых явлений в сфере политической коммуникации, основополагающим принципом которого является анализ «истории языка как истории современного общества» („Sprachgeschichte als Zeitgeschichte”)¹⁰.

---

⁵ Burkhardt 1996. S. 76.

⁶ Dieckmann 1975. S. 133.

⁷ Ibid. S. 24.

⁸ Eroms 1989. S. 10.

⁹ Мы считаем термин «великий переход» выдающегося польского социолога П. Штомпки [Sztompka 1992] наиболее удачным, так как политолингвистические концепты «язык поворота» и «язык объединенной Германии» отражают не всю глубину исторических трансформационных процессов.

¹⁰ См. Wengeler 1998.

Главный тезис нашего исследования: история политического языка в Германии – это один из способов выявления эвристических смыслов новейшей истории Германии¹¹, отражающий основные вехи и ключевые периоды в историческом сознании.

Политический язык национал-социализма и «денацификации»

Общественно-политические дискуссии о «преодолении прошлого» („Vergangenheitsbewältigung“) и политический спор о будущем бывшего Третьего Рейха определили языковые исследования раннего послевоенного периода и надолго и прочно вошли в тематику исследований политического языка и перманентно актуализируются в наши дни¹². Языковому преодолению фашизма служит также широко развернувшаяся общественная дискуссия о «(коллективной) вине» немцев („Kollektiv-Schulddiskussion“) в ходе начавшегося в западных оккупационных зонах «демократического перевоспитания» („reeducation“). Она вносит вклад в критическое осмысление языка национал-социализма, основными темами которого являются: «соблазнение немецкого народа через язык» („Verführen des deutschen Volkes durch die Sprache“), «оккупация языка национал-социалистами» („Okkupation der Sprache durch die Nationalsozialisten“), «нацистский немецкий» („Nazi-Deutsch“), «коричневый немецкий» („Braun-Deutsch“) и др. В этой связи актуальными становятся требования «денацификации языка» („Entnazifizierung der Sprache“) и «демилитаризации понятий» („Entmilitarisierung der Begriffe“). Эти дискуссии, предметом которых было (зло)употребление немецкого языка в прошлом, находят свое продолжение в острых дебатах сегодняшних дней, хотя еще в 1974 г. Г. Фойгт объявил в своей статье о «конце исследований языка национал-социализма»¹³.

Исследование языка национал-социализма в период «холодной войны» было чрезмерно политизированным: «В первые годы существования ФРГ, когда немцы были втянуты в противостояние, вызванное холодной войной, исследования национал-социалистического употребления языка были по большей части направлены на то, чтобы доказать схожесть между Третьим Рейхом и ГДР, под общим знаком тоталитаризма»¹⁴. Простое уравнивание по схеме *коричневый=красный* значительно сокращало возможности полноценной рефлексии.

Языковая ситуация в начале послевоенного времени характеризуется употреблением нацистских слов для диффамации политических противников, дискуссии об упомянутых параллелях между фашизмом и коммунизмом принимают особенно острый характер: «Не устая,

¹¹ Мы согласны с Г. Штётцелем относительно начала новейшей истории исследования политического языка в Германии с 1945 г. Stötzel 1995. S. 4-9; S. 19.

¹² Stötzel 1995. S. 19; S. 14.

¹³ См.: Voigt 1974.

¹⁴ Sauer 1995. S. 9.

бичевали друг друга обе стороны, инкриминируя друг другу использование слов и выражений из нацистского прошлого»¹⁵. Непризнание немецкого языка в другой части Германии мотивировалось в основном нежеланием признавать политическую систему другого немецкого государства. В работах ряда западногерманских исследователей языка, уже название содержит однозначный пропагандистский компонент: «Советский немецкий – язык как жертва и инструмент советизации», «Немецкий язык в восточной смирительной рубашке», «Языковое вырождение в советской зоне»¹⁶. При этом само слово «вырождение» (*Entartung*) взято как раз из вокабуляра национал-социализма¹⁷. Оно, как отмечено в словаре Г. Пауля, относилось к ключевым понятиям пропаганды национал-социализма, было направлено против современного искусства, и в наши дни подлежит языковому табу¹⁸. Обоюдные упреки и обвинения лингвистов Восточной и Западной Германии в том, что они унаследовали нацистский язык и являются «прямыми наследниками Гитлера, Гимmlера и Геббельса», свидетельствуют о том, что в 1950-е гг. доминировало не критически-языковое, а «политико-пропагандистское направление в исследовании языка»¹⁹.

Видмер в своей книге «1945 или “новый язык”. Исследование прозы “молодого поколения”» подробно описывает изобличающие нацистов слова и их последующее воздействие на современный немецкий язык после 1945 г. Он приходит к выводу, что «запачканные» („belastete“) нацистами слова продолжают как «медленно действующий яд» („schleichendes Gift“) неосознанно и без критического осмысления употребляться и передаваться дальше²⁰. Характеризуя политическую риторику национал-социалистов, он выделяет в речах Гитлера, Геббельса и др. четкие тенденции к «идиоматическому закреплению» („idiomatische Verfestigung“) и «лексическому окостенению» („lexikalische Erstarrung“), «преувеличенной (напряженной) гиперболике» („angestrengte Hyperbolik“), использованию номинального стиля, ритуальных форм и «синтаксических нагромождений в виде цепочки атрибутов в родительном падеже» („zu syntaktischen Ungetümen geballter Ketten von Genitivattributen“)²¹. Й. Кляйн видит во всех этих языковых явлениях «склеротические тенденции» господствующего языка фашистской диктатуры,

¹⁵ Sauer 1995. S. 18.

¹⁶ См. „Sowjetdeutsch – die Sprache als Opfer und Werkzeug der Sowjetisierung“ [Koepp 1955]; „Die Sprachentartung in der Sowjetzone“ [Boreč 1952]; „Deutsche Sprache in östlicher Zwangsjacke“ [Köhler 1953] и др.

¹⁷ Berning 1964. S. 66.

¹⁸ Paul 1992. S. 221-222.

¹⁹ См. Sauer 1995. S. 18; Bauer 1988. S. 49.

²⁰ См.: Widmer 1966. S. 67.

²¹ Volmert 1989, 142-143.

обусловленные монопольным господством языка национал-социализма, его ролью инструмента социального контроля. «Склеротизация» словаря, его шаблонность способствовали формализации и моностилистическим тенденциям во всех типах текстов²².

Политическое употребление языка в тоталитарной системе страдает языковым обнищанием, что связано с тенденцией экстремального упрощения немецкого языка для соответствия целям системы. Нацистский жаргон имел относительно небольшой словарь, который изобиловал военными, религиозными, техническими и биологическими понятиями. Языковой манипуляции служили национал-социализм, «германизация» (*Deutschtümelei*), гигантомания, тавтология, суперлативизация (чрезмерное использование превосходной степени качества), маскировка, эвфемизация, табуизация, патологическая метафорика, изменение и «захват понятий». Тоталитарная целеустановка употребления языка просматривается по доминирующим стилистическим элементам, например, «высокопарным и высокомерным словам и выражениям, демонстрирующим физическую силу и тотальное превосходство», которые должны рождать «агрессивное чувство общего сознания» («*aggressives Wir-Bewusstsein*»), «осознание себя частью сплоченного коллектива». Этому способствовал и т.н. *kollektiver Singular*, который как средство «симплификации» (тотального упрощения), был также нацелен на выработку чувства общей сопричастности «немец», «германец», «еврей» (*der Deutsche, der Germane, der Jude*)²³. Нацистские тексты были пронизаны простыми словами, настраивающими на героические поступки: *каждый, все, вечный, решительный, грандиозный, величественный, колоссальный, могущественный, героический, несравненный, гордый, беспощадный, тотальный* (*jeder, alle, ewig, entschlossen, großartig, kolossal, mächtig, heroisch, unvergleichlich, stolz, rücksichtslos, total*) и др.²⁴ Политический язык представлял собой нацистский жаргон, который наводнил немецкий язык массой позитивно или негативно оценивающих понятий и вытеснил нейтральные понятия; он радикализировал черно-белый схематизм и уничтожил возможность какой-либо дифференциации; он генерализировал и нивелировал правила употребления слов и выражений таким образом, что они стали чуждыми для индивидуального языкового восприятия; он способствовал включению языковых форм, которые уравнивали все языковые различия исторического, социального, регионального происхождения посредством настроенного на героику партийного языка, одетого в униформу²⁵. Дис-

²² См. Klein 1998. S. 191.

²³ См. Bergsdorf 1996, 25-26, 29-34.

²⁴ von Polenz 1978, 168.

²⁵ Bergsdorf 1996. S. 31.

курс о фашизме, отмечает К. Элих, проходит в ФРГ сложно: немецкий феномен «преодоление прошлого» означает на языковом уровне критическое осмысление языка времен национал-социализма и постоянную (от часа «ноль» до наших дней) языковую критику его рецидивов, поскольку «трансформации национал-социалистических идеологических амальгам в современном обществе идут полным ходом»²⁶.

Политический язык «разделенной Германии»

Параллельные исследования русского языка в советском обществе и немецкого языка в ГДР выявили ряд закономерностей функционирования языка в условиях тоталитарного общества: язык ввергался в «крепостное состояние», превращался в «идеологическую собственность», что вело к «функциональному оскудению официальной речи»²⁷. Основной причиной такого «оскудения официальной речи» являлось «идеологическое насилие над языком», породившее в советском обществе *новояз*²⁸; а в ГДР официальный партийный язык получил названия *Funktionärdeutsch* (немецкий язык партийных функционеров), *Parteijargon* (партийный жаргон), *DDRsch* (ГДРский).

Несмотря на определенные различия в современной истории Восточной Германии и России, можно проследить и общие тенденции развития языков в этот период. Исходя из семасиологически и ономазиологически ориентированной типизации идеологически значимых языковых различий, можно проследить конкретные языковые изменения целых групп идеологически релевантной лексики в сопоставляемых языках. К этому виду языковых изменений относятся группы слов, идеологическая релевантность которых проявляется в форме лексической, семантической и сопровождающей их оценочной специфики. Идеологически релевантная лексическая специфика выражается в соотношенности лексических единиц с определенной идеологией и политической системой. Это «слова-цитаты», „ГДРизмы: *Staatsrat, Volkskammer, Politbüro des ZK der SED, FDJ, Friedenswacht, Subbotnik* (Государственный совет, Народная палата, политбюро ЦК СЕПГ, ССНМ, вахта мира, субботник) и «советизмы»: (*Верховный Совет, ЦК КПСС, политбюро, комсомол, вахта мира, субботник*). Отмечается явная параллельность номинаций данной группы в обоих языках. Сюда же относятся номинации, служащие саморекламе и пропаганде своих идей: *моральный кодекс строителя коммунизма, всесторонне развитая личность, самая читающая нация / gebildete Nation* (образованная нация), *sozialistisches Friedenslager* (социалистический лагерь мира), *MMM* (*Messe Meister von Morgen* – Ярмарка мастеров будущего дня). Эти

²⁶ Ehlich 1989. S. 30.

²⁷ Караулов 1991. С. 42-44.

²⁸ См. Земская 1996. С. 25; Сарнов 2002.

слова исчезают вместе с обозначаемыми ими денотатами в постсоциалистический период в процессе деактуализации политических реалий социализма, а вместе с ним архаизации специфических системных номинаций, отражающих советские реалии и реалии ГДР.

Идеологически релевантная смысловая специфика выражается в идеологически обусловленной разнице значений политических понятий, существующих в разных идеологически противопоставленных политических системах – социалистической/капиталистической. Данное явление носит название *идеологической полисемии* („ideologische Polysemie“)²⁹ и касается в первую очередь ключевых политических понятий, таких как *Freiheit, Sozialismus, Demokratie/свобода, социализм, демократия*, имеющих при одинаковом обозначении разную трактовку и употребление. Идеологически обусловленная многозначность данных понятий, всегда бывших предметом острых дискуссий политологов, философов, лингвистов, выражается в полярном толковании значений, в «монополизации дефиниций»³⁰ каждой стороной, что в политолингвистике нашло название *захвата понятий* („Besetzen der Begriffe“)³¹.

В ходе «семантической деидеологизации понятий» происходит моносемантизация этих идеологически многозначных политических терминов за счет освобождения их значений от «идеологических смысловых приращений», «деидеологизации» семантики слов³².

Как изменяются существовавшие концептуальные идеологически обусловленные толкования основных понятий в связи с изменением политических целей можно продемонстрировать на понятии *демократии/Demokratie* в немецком и русском языках. Это сравнение показало как общие тенденции семантических изменений в понятийной системе, так и их некоторые различия. Анализ русских и немецких словарей до и после перестройки/объединения показал произошедшие с данным политическим термином понятийные метаморфозы. В словарях советского периода и словарях ГДР наряду с общей дефиницией «демократии» как «государственной формы народовластия» имеется ее обязательное определение с классовых позиций: «*социалистическая демократия* (высший тип демократии, подлинное народовластие); *буржуазная демократия* (государственный строй, при котором формальное равенство политических прав и свобод всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися)»³³. В словаре ГДР R. Klappenbach/W. Steinitz также прослеживаются классовые характеристики при толковании понятия „Demokratie“: „die sozialistische Demokratie“ (*Staats-*

²⁹ Dieckmann 1975. S. 70-71.

³⁰ Hellmann 1980. S. 524.

³¹ Klein 1991. S. 44-69.

³² Ермакова 1996. С. 36.

³³ Мокиенко 2003. С. 137.

form, in der die Arbeiterklasse im Bündnis mit den werktätigen Bauern auf Grund der Diktatur des Proletariats die Herrschaft ausübt); „die bürgerliche Demokratie“ (Staatsform, in der die Bourgeoisie auf Grund ihres Privatbesitzes an den Produktionsmitteln die Herrschaft ausübt)³⁴.

Новые идеологии несут с собой новый язык, а вместе с ним и новые языковые проблемы, в т.ч. проблемы языковой манипуляции: «Просматривая ненужные слова 20-го столетия, сразу замечаешь, что после прощания с бывшими в свое время сильнейшими идеологиями столетия не уменьшается число попыток снова навязать людям определенный тип мышления»³⁵. Исследовать эти явления в различных политических культурах, вскрывать механизмы их действия, адекватно интерпретировать их политическую, культурную и языковую сущность, и тем самым противостоять в эпоху всеобщей глобализации изоцированной манипуляции сознанием людей (в т.ч. через языковую манипуляцию), является центральной задачей истории политического языка.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 32-66. [Ermakova O.P. Semanticheskie processy v leksike // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). М.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. S. 32-66]
- Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 9-31. [Zemskaja E.A. Vvedenie // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). М.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. S. 9-31]
- Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Просвещение, 1991. [Karaulov Ju.N. O sostojanii russkogo jazyka sovremennosti. Doklad na konferencii «Russkij jazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitija rusistiki». М.: Prosveshhenie, 1991]
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. Матизмы, обценнизмы, эвфемизмы. СПб.: Норинт, 2003. [Mokienko V.M., Nikitina T.G. Slovar' russkoj brani. Matizmy, obscenizmy, jevfemizmy. SPb.: Norint, 2003]
- Сарнов Б. Наш советский новояз. М.: Материк, 2002. [Sarnov B. Nash sovetskij novojaz. М.: Materik, 2002]
- Bauer G. Sprache und Sprachlosigkeit im «Dritten Reich». 2. überarb. Auflage. Köln: Bnd-Verlag, 1988.
- Borée K. F. Die Sprachentartung in der Sowjetzone. In: SBZ-Archiv. Jg. 3, H. 2. 1952.
- Bergsdorf W. Wiedervereinigung der Sprache. Einige Bemerkungen zum politischen Sprachgebrauch in Deutschland // Böke K., Jung M., Wengeler, M. (Hrsg.). Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 24-37.
- Berning C. Vom «Abstammungsnachweis» zum «Zuchtwart». Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin: Walter de Gruyter, 1964.
- Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Klein J., Diekmannshenke H. (Hrsg.). Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin; New York, 1996. S. 75-100.
- Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. Heidelberg, 1975.

³⁴ Klappenbach 1978. S. 783.

³⁵ Schlosser 2000. S. 10.

- Ehlich K. Über den Faschismus Sprechen – Analyse und Diskurs // Ehlich K. (Hrsg.). Sprache im Faschismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. S. 7-34.
- Eroms H.W. Von der Stunde Null bis nach der Wende: Zur Entwicklung der politischen Sprache in der Bundesrepublik Deutschland // Forum für interdisziplinäre Forschung 2, 1989. S. 9-18.
- Good C. Szylla and Charybdis // SuL 21. Jg., H. 65, 1990. S. 49-60.
- Hellmann M. Deutsche Sprache in der BRD und der DDR // Althaus H.P., Henne H., Wiegand H.E. (Hrsg.) Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. Auflage. Tübingen. 1980. S. 519-527.
- Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1978.
- Klein J. Kann man „Begriffe besetzen“? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen Metapher//Liedtke,F./Wengeler, M./Böke, K. (Hrsg.). Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik. Opladen, 1991. S. 44-69.
- Klein J. Politische Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Jarren O., Sarcinelli U., Saxer U. (Hrsg.). Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch mit Lexikonteil. Opladen/Wiesbaden, 1998. S. 186-210.
- Koepp F. «Sowjetdeutsch». Die Sprache als Opfer und Werkzeug der Sowjetisierung // Akademische Blätter. Jg. 57, 1955. S. 41-46.
- Köhler A. Deutsche Sprache in östlicher Zwangsjacke. Vortrag im deutschen Sprachverein Berlin am 4. Dezember 1953. Berlin: Sprachverlag Leben im Wort, 1954.
- Polenz P. von Geschichte der deutschen Sprache. 9. Aufl. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1978.
- Sauer Ch. Sprachwissenschaft und NS-Faschismus. Lehren aus der sprachwissenschaftlichen Erforschung des Sprachgebrauchs deutscher Nationalsozialisten und Propagandisten für den mittel- und osteuropäischen Umbruch? // Steinke, K. (Hrsg.). Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1995. S. 9-75.
- Schlösser H.D. Lexikon der Unwörter. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000.
- Sztompka P. Dilemmas of the Great Transition // The Johns Hopkins University Bologna Center. 1992. No.74. 1992. P. 9-28.
- Stötzel G., Wengeler M. Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995.
- Voigt G. Bericht vom Ende der «Sprache des Nationalsozialismus» // Diskussion Deutsch 19, 1974. S. 445-464.
- Volmert J. Politische Rhetorik des Nationalsozialismus // Ehlich K. (Hrsg.). Sprache im Faschismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. S. 137-161.
- Wengeler M. Sprachgeschichte als Zeitgeschichte // Praxis Deutsch, 25. Jg., H. 151, 1998. S. 4-7.
- Widmer U. 1945 oder die «Neue Sprache». Studien zur Prosa der «Jungen Generation» // Wirkendes Wort. Schriftenreihe Bd.2. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1966.

***Катаева Стalina Гавриловна**, доктор филологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; katajewa@rambler.ru*

***Катаев Дмитрий Валентинович**, доктор социологических наук, доцент, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; dmitrikataev@rambler.ru*

History of the German political language as a reflex of the recent history of Germany (1945-1988)

The article deals with a new section of applied linguistics – the history of political language, intensively developed in Germany. The change in social and political meanings, strategies for manipulating social and historical consciousness is fully revealed through the identification of a semasiological and onomasiologically oriented typification of ideologically significant linguistic differences.

Keywords: political linguistics, ideology, social consciousness, historical consciousness

***Stalina Kataeva**, Doctor of Philology, Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University; katajewa@rambler.ru*

***Dmitriy Kataev**, Doctor of Sociology, Associate Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University. dmitrikataev@rambler.ru*